

УДК 821.161(091)

**«ВИДНО, В КАЗАНИ ВЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ СТИХОТВОРЕЦ»
(профессор Казанского университета Г.Н. Городчанинов
по письмам к нему митрополита Евгения (Болховитинова))**

М.М. Сидорова

Аннотация

Статья посвящена изучению отдельных фактов личной и общественной жизни, характера и оценки творчества первого профессора русской словесности в Казанском университете Г.Н. Городчанинова. Источником исследования стали письма митрополита Евгения (Болховитинова), опубликованные в 1857 году в Журнале Министерства народного просвещения. Показано, что письма содержат ряд уникальных сведений не столько об их авторе, сколько об адресате и позволяют выявить степень влияния митрополита Евгения (Болховитинова) на формирование научных взглядов и принципов преподавания русской словесности казанского профессора.

Ключевые слова: Г.Н. Городчанинов, митрополит Евгений (Болховитинов), Казанский университет, письма, русская литература XIX века, история образования.

Сведения о Григории Николаевиче Городчанинове (1772–1852), первом профессоре российской словесности в Казанском университете, весьма немногочисленны и противоречивы как в истории самого университета, так и в истории российского образования, науки и литературы. Имя Городчанинова было известно далеко не всем его современникам, а сегодня оно забыто почти всюду, кроме, пожалуй, Казани, в которой он прожил около полувека, и Нижнего Новгорода, где родился.

Между тем Г.Н. Городчанинов был весьма значимой (если не сказать знаковой) фигурой в истории Казанского университета, да и всей культурной и духовной жизни Казани первой трети XIX века. Более двадцати лет, с 1806 по 1829 год (с перерывом на два года в 1808–1810 гг.), он возглавлял кафедру красноречия, стихотворства и языка русского, а также был редактором газеты «Казанские известия» (1811–1813), членом издательского комитета журнала «Казанский вестник» (1821–1829), принимал участие в издании «Учёных записок Казанского университета» и активно в них печатался. Дважды он издал в Казани сборник своих сочинений (в 1816 и 1831 гг.), с 1806 года был членом Казанского общества любителей российской словесности, с 1826 по 1829 – его председателем. Находился в дружеской переписке с поэтом Г.Р. Державиным, адмиралом А.С. Шишковым, митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым).

Первым, кто сделал попытку полно представить личность Городчанинова как преподавателя и учёного, был профессор российской словесности и первый

историограф университета в Казани Н.Н. Булич¹. В своем известном труде «Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам: в 2 ч.» (Казань, 1887–1891), опубликованном первоначально в «Учёных записках Казанского университета» как цикл статей под общим заглавием «Казанский университет в Александровскую эпоху» (1875–1891), он дал весьма невысокую оценку научного и поэтического потенциала Городчанинова. В дальнейшем эта оценка в немалой степени способствовала формированию репутации первого казанского профессора словесности.

Самым полным библиографическим проектом о Городчанинове стала изданная в 1886 г. работа учёного и краеведа, основателя исторического музея в Казани Н.П. Лихачёва «Григорий Николаевич Городчанинов и его сочинения», которая включала в себя краткую биографическую справку и библиографию трудов профессора [1]. Деятельность Городчанинова в качестве журналиста неоднократно освещалась М.П. Мохначёвой [2]. Но самым первым биографом Городчанинова был митрополит Евгений (тогда ещё епископ Старорусский и викарий Новгородской митрополии) как автор статьи о нём в «Словаре русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (Сл., с. 153). Словарь этот первоначально печатался в журнале «Друг просвещения» (1804–1806), а в 1845 г. был издан Погодиным как двухтомник.

Письма митрополита Евгения (Болховитинова) к казанскому профессору, которые были частично опубликованы в 94 томе «Журнала Министерства народного просвещения» за 1857 год, и стали предметом нашего изучения. По словам публикатора, в этих письмах открываются «необыкновенный ум, изящный вкус, теплота души, нежность чувств, твёрдый и открытый характер преосв. Евгения» (П., с. 2).

Это бесспорно, однако наше обращение к эпистолярному наследию митрополита основано на том, что его письма как документ являются важнейшим источником сведений не только об авторе, но и в очень существенной степени об их адресате. В этом состоит удивительная особенность этих материалов. Очень немногословный в описаниях собственной жизни, митрополит Евгений чутко и с большим интересом реагировал на события в судьбе своих корреспондентов. Вот почему в письмах открывается множество фактов личной и общественной жизни Городчанинова, черты его характера, оценка творчества.

Публикация писем журналом сопровождалась вступительным словом, в котором сообщалось об участниках переписки и истории её возникновения. Знакомство (или, вернее, «дружество») преосвященного Евгения и Городчанинова, – сообщал издатель, – началось в то время, когда первый обучался в Московской духовной академии и слушал вместе со студентом Городчаниновым лекции в Московском университете.

Эту версию убедительно оспаривает Н.Н. Булич². Он пишет, что в то время, когда Городчанинов был студентом Московского университета, Болховитинов

¹ Ввиду особого «юбилейного» формата данного номера «Учёных записок Казанского университета» считаем необходимым напомнить, что Н.Н. Булич, всю жизнь прослуживший Казанскому университету и чрезвычайно много сделавший для его развития, в 1865–66 гг. был редактором этого университетского издания, а в 1882–1885 гг. как ректор университета – наблюдателем над изданием «Учёных записок».

² Булич был хорошо знаком с биографией не только Городчанинова, но и митрополита Евгения. В 1890 г. в Санкт-Петербурге вышла его обширная рецензия «Разбор сочинения Е. Шмурло “Митрополит Евгений как учёный, ранние годы жизни (1767–1804)”».

был уже в Воронеже, и уточняет: «Дружба их, основанная на любви к словесности, без сомнения, началась в Петербурге и не раньше того времени, когда Болховитинов, овдовев, пошёл в монахи и в 1800 году был назначен префектом Александро-Невской академии» [3, с. 135]. У Булича мы узнаём и дополнительные сведения о переписке: «Письма Евгения начинаются с 1804 года, когда Евгений уехал в Новгород, и прекращаются только за пять дней до его смерти, в 1837 году. Числом их 140. Список находится у преосвященного Макария и И.И. Срезневского. К сожалению, первый напечатал из них только 32 письма... а второй только отрывки. Писем самого Городчанинова, вероятно, не существует» [3, с. 135].

32 письма, опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения», и станут для нас источником для изучения биографии Городчанинова. Их появление вызвано не только дружескими отношениями корреспондентов. Они, как справедливо предполагает издатель, «имеют близкое и несомненное отношение к учёным трудам преосв. Евгения, верно указывая на удивительную, неутомимую ревность его к сим занятиям, на источники, коими он пользовался и кои заботливо всюду отыскивал» (П., с. 3). Безусловно, речь идёт о работе Болховитинова над «Словарём писателей». Проект, предпринятый Болховитиновым, был своеобразным научным подвигом в нашей культуре и литературе. Он связал этого ревностного деятеля науки со множеством людей как с потенциальными корреспондентами. Одним из многочисленных помощников Евгения выступает, судя по письмам, и Городчанинов. Переписка и «дружество» поддерживались, как скажет издатель писем, «истинным учёным призванием и непрерывным в расаднике просвещения деланием обоих» (П., с. 2).

Действительно, работа по сбору необходимых для Болховитинова материалов – одна из основных тем переписки. Евгений мягко, но настойчиво просит Городчанинова поставлять ему биографические материалы, списки трудов и «сами оные». В первом же из опубликованных писем Болховитинов благодарит за обещание прислать биографии казанских профессоров, особенно Фукса³, во втором письме звучит просьба «покончить» (вероятно, завершить. – М.С.) список Верёвкина⁴, а в письме № 24 – доставить приложение Василию Матвеевичу⁵. В пору службы Городчанинова в Московской медико-хирургической академии Евгений просит прислать ему регламент академии, «дабы возыметь о ней понятие», и повторяет просьбу в следующем письме, сглаживая свою настойчивость словами о том, что он не имеет обстоятельного понятия об академии, кроме того, что «друг мой в ней учёным секретарём и библиотекарем» (П., с. 6). Затем искренне благодарит за присланные материалы и опять просит снабдить его биографиями профессоров.

«Учёные» просьбы Болховитинова имеют разнообразный характер. В лучших традициях того времени учёное братство вело активный книгообмен. Принимая во внимание деятельность Болховитинова по работе над словарём, заметим: он нуждался в книгах более, чем кто-либо. Уповая на предложение своего корреспондента «дружески исполнять комиссии» (поручения. – М.С.), Евгений

³ К.К. Фукс – профессор медицины Казанского университета.

⁴ М.И. Верёвкин – преподаватель Казанской гимназии.

⁵ В.М. Перевощиков – профессор российской словесности Казанского университета.

то обращается к другу с просьбой прислать ему каталоги французских и латинских книг, то просит выслать какую-нибудь книжку типографии Всеволожского «для просмотра искусства сей славящейся типографии», то просит узнать у ректора Епифания, получила ли Казанская академия посланные им греческие книги, и благодарит за «обещание образчика казанских газет».

Но, судя по характеру писем, Городчанинов не всегда торопится с исполнением просьб своего друга, да и с ответами на письма. Это даёт основание предположить, что неторопливость в делах, в том числе корреспондентских, неаккуратность, как тогда говорили, была одной из черт характера Городчанинова. То и дело слышится ирония в отношении адресата по поводу задержки с ответом: «Вы, любезный друг, долго ждали моего ответа, но я ещё долее ждал Вашего» (П., с. 3); «После долгого молчания письмо Ваше от 5 января было мне драгоценнейшим подарком. Признаюсь, начал было я сомневаться в Вашей памяти. Но теперь вышел из сомнения» (П., с. 12); «Получил я Ваше, любезный друг, письмо от 17 мая и благодарю, что Вы ещё вспоминаете обо мне хоть изредка» (П., с. 18).

Ещё более ярко черты характера Городчанинова проявляются в разговоре корреспондентов о «личном». Вот здесь и даёт о себе знать удивительная особенность писем Евгения. Наблюдается обратный эффект, когда об адресате мы получаем из писем значительно большее представление, чем об их авторе. Евгений очень скуп в описании обстоятельств собственной жизни. Мы узнаём из писем лишь о новых назначениях и в связи с этим о перемещениях митрополита (Калуга, Псков), изредка он жалуется на недуги (скорее в ответ на жалобы самого Городчанинова), сетует на занятость, которая не позволяет заниматься литературой и наукой. Вот, пожалуй, и всё. Имена общих знакомых упоминаются лишь в связи с известиями о смерти или необходимостью обратиться с просьбами по главному для митрополита поводу – работой над словарём.

Зато реакция на известия и перемены в жизни его друга значительно более живая, непосредственная, в ней много участия и искреннего переживания, добрых пожеланий. В связи с этим можно восстановить или подтвердить целый ряд фактов из жизни казанского профессора. Так, уже из первого письма Евгения мы узнаём о желании Городчанинова приобрести в Казани «хуторишко». Видимо, его материальное благополучие имело место уже в первый год пребывания в Казани. Евгений радуется благоприятным переменам в судьбе своего друга, связывая их с будущей судьбой Лисёночка – так он неоднократно будет называть дочь Городчанинова от первого брака Елизавету. Он довольно часто упоминает о девочке, беспокоится о ней в целом ряде писем, называя её *Лизочкой*, *Лизунчиком* и *сиротиночкой* (в связи со вдовством Городчанинова).

Из писем проясняются и обстоятельства, связанные с уходом Городчанинова из Казанского университета в 1808 г. и его возвращением в него в 1810 г. Историки университета Н.Н. Булич и Н.П. Загоскин считают, что заявление Городчанинова покинуть Казанский университет было способом борьбы за должность экстраординарного профессора. Причиной ухода был назван... казанский климат. Подобную мотивацию часто использовали и немецкие профессора в своём стремлении покинуть университет. «Слышал там (в Петербурге. – М.С.) между прочим Вашу жалобу на Казанский климат и удивлялся. Кажется, казанская натура несравненно легче болотной Петербургской. Может быть, ипохондрическая

меланхолия представила Вам его в превратном виде», – пишет Евгений (П., с. 3). Вероятно, Городчанинов раньше времени, опережая события, похвастался назначением его на должность экстраординарного профессора, которой настойчиво добивался. Вот почему Евгений пишет в Казань: «Желаю поскорее поздравить экстра-профессором, а о чём, думаю, не упустите уведомить меня» (П., с. 4).

А следующее письмо Болховитинов отправляет уже в Москву, где Городчанинов получил место библиотекаря Медико-хирургической академии, а позже был назначен учёным секретарём. Евгений и здесь поддерживает друга: «Местечко Вы получили в Москве весьма тёплое, и советую не искать других; а Москва покойнее Питера, который всем бока вытер» (П., с. 5). И в этом же письме обнаруживается ещё одна любопытная деталь и вместе с этим одна черта характера Городчанинова: «Сердечно благодарю Вас за уведомление о благосклонном ко мне расположении вашего вице-президента», – пишет Болховитинов. Можно предположить, что Городчанинов, вероятно с целью обеспечения своего реноме, при всяком удобном случае упоминал о дружбе с высоким духовным лицом. В этом же письме имеется поздравление с новым брачным союзом, вспоминается данный когда-то в молодости зарок Городчанинова не жениться и звучит забота о сиротке Лизочке, надежда на то, что новая супруга заменит ей потерю матери.

Через это письмо мы узнаём ещё об одном эпизоде в судьбе Городчанинова, который в то же время является и фактом истории российского образования. Речь идёт о закрытии Медико-хирургической академии путём слияния её с Московским университетом. Интересна реакция митрополита на этот актуальный и для нас сегодня процесс: «Да, любезный друг! Ныне и Парнас стал не надёжное убежище. По сказанию стихотворцев, бывали ссоры на Олимпе между богами; но никогда между музами. А ныне и музы, как кокетки, друг друга поработить и посрамить хотят. Один сочиняет, а другие из ненависти к нему разоряют. Но между тем подчинённые страждут. Нет сомнения, что Московская медицинская школа опять восстановится. Ибо и прежде в надежде на университет покушались её уничтожить, но после усматривали, что университет никогда не выучивал лекарей? Надобно, однако ж, сего дожидаться... А Вы без места...» (П., с. 13).

А в декабрьском письме 1810 года звучит уже поздравление «с новым или, лучше сказать, с прежним местом, злачным и покойным» (П., с. 14). Оно отправлено в Казань, куда Городчанинов вернулся через два года пребывания в Москве. «После Румовского⁶, – пишет Евгений, – оно будет, конечно, ещё покойнее и безопаснее». И добавляет: «Кто будет у вас попечителем, не знаю и отгадать не могу. Но кто бы ни был, а заранее у вас дела пойдут лучше прежнего вялого» (П., с. 14).

Факт повышения Городчанинова в должности также отражён в письмах Болховитинова за 25 сентября и 25 октября 1814 года: «Об открытии вашего университета⁷ читал я в газетах и поздравляю Вас производством в ординарные» (П., с. 17); «Радуюсь Вашему здоровью и благополучию и поздравляю ординарным проф<ессором>. И успехами в воспитании дочери. Последнее труднее профессорства и особливо в наше время, когда просвещение дёшево,

⁶ С.Я. Румовский – первый попечитель Казанского учебного округа.

⁷ Указ об основании Казанского университета был подписан 5 ноября 1805 г., а его официальное открытие состоялось 5 июля 1814 г.

а жизнь дорога» (П., с. 17). К сожалению, опубликованные письма представляют собой лишь часть переписки. Обещание журнала продолжить публикацию не будет выполнено. И мы не узнаем по письмам Евгения, как будет протекать жизнь его казанского друга в пору попечительства М.А. Салтыкова и, что ещё более интересно, М.Л. Магницкого – времени, на которое придётся пик расцвета карьеры Городчанинова.

Важной и интересной темой переписки является почётное членство митрополита Евгения (Болховитинова) в Казанском университете, а затем и в Казанском обществе любителей отечественной словесности. Эти события освещались нами в специальном исследовании [4]. Другая важная тема, присутствующая практически в каждом письме Евгения, – поэтическое творчество Городчанинова. Это значит, что почти с каждой почтой казанский поэт отправляет своему искушённому в изучении словесности другу собственные литературные (главным образом поэтические) опыты – не столько для того, чтобы пополнить материалы к словарю писателей, сколько для того, чтобы услышать оценку своих творений. И здесь Городчанинов выступает как неутомимый проситель. Опережая факты, скажем, что Городчанинову приходится довольствоваться малым – он слышит от своего учёного наставника всё больше замечания и наставления, часто через отсылку к древним, дабы не обидеть друга.

Самая большая похвала Городчанинову – слова Евгения, включённые в качестве цитаты в заглавие нашей статьи: «Видно, во всей Казани Вы один стихотворец». Однако вне контекста фраза не совсем верно отражает суть высказывания. Слова были написаны в письме от 4 июля 1815 года, соответствующий фрагмент которого звучит так: «Благодарю и за лирическую песнь на Казанское ополчение⁸. Видно, во всей Казани Вы один стихотворец. Тем больше Вам чести» (П., с. 18). В остальных оценках Евгений более сдержан: «Стишки Ваши в Вестнике Европы я видел» (П., с. 4); «Благодарю за присылку новейшего произведения Вашей музыки. Это доказательством, что она может ещё петь и в 40 лет» (П., с. 12); «На письмо Ваше от 22 июня я давно отвечал, а на 27 сентября теперь отвечаю спасибо за оное и за приложенную оду» (П., с. 17); «Новые Ваши стихи на случай манифеста хороши, по крайней мере пестротою каданса и шумом скрыпучих слогов» (П., с. 21).

Иногда Евгений включает в свои письма целые разборы со множеством критических замечаний, например: «Спасибо за стихи – *Христос Рождается* (здесь и далее курсив издателя. – М.С.). Но вы требуете о них моего мнения. Вот оно: первый стих слову – *рождается* должно бы соответствовать что-нибудь повывразительнее. Союз *бо* не годится, и вообще два последних стиха слабы. Знаю, что автору такой суд кисель» (П., с. 5); «...На дороге прочитал я Вашу *речь* письменную и *стихи* печатные. По просьбе Вашей на первую посылаю Вам мои *примечания*, из коих отгадаете Вы моё мнение о Вашей речи. А о стихах скажу только, что они лучше многих Ваших прежних. Но частое повторение *се* можно бы переменить? Не прогневайтесь на откровенность мою пред Вами. Пусть иные во всем хвалят Вас; а я желаю предостеречь моего друга

⁸ Имеется в виду издание (Л.).

от безразборных похвал» (П., с. 19); «Сочинений своих я не советовал бы так скоро издавать. Загляните в правила Горациевы Lib. 1. Sat. X» (П., с. 22).

Приведём и последний из примеров, где проявило себя и остроумие Евгения, и его нескрываемая оценка поэтических творений казанского поэта: «Ровно почти чрез два месяца отвечаю на письмо Ваше от 7 мая, писанное с приложением нового Вашего стихосогрешения, присланного мне в подарок на новоселье. Если бы и я был стихогрешник, то следовало бы мне отблагодарить Вас таким же подарком. Но, к счастью, уже со времени выбытия из школ я в этом неповинен. А благодарить Вас чужими стихами не смею; разве позволите только сослаться на басню Измайлова: *страсть к стихотворству* в новом издании. Стран. 65. И следующую» (П., с. 22).

Совершенно очевидно, что митрополит Евгений был невысокого мнения о поэтическом даровании своего друга, но это не смущало Городчанинова: в письмах Евгения абсолютно отсутствует настроение обиды его казанского друга. С одной стороны, это показатель одной из черт натуры Городчанинова, с другой – сквозящая через всю переписку невысокая оценка всей русской литературы. «Вы спрашиваете задачи у меня для какого-нибудь классического сочинения в русской словесности. Прежде спросите: имеем ли мы о сию пору свою классическую словесность? Не всё ли у нас заимствованное? Есть ли хотя 200 книг оригинально русских? Исчислите их и опишите; тогда и эта книга будет классическою в словесности нашей. Самая Российская Академия не установила ещё порядочных правил языка и не объявила в оном классиков. Многих из писак наших мы называли и Расинами, и Вергилиями, и Горациями, и Пиндарами. Но что-то никто не верит, а чаще иностранцы говорят про нас и Ювеналову: *O imitatores! Servum pecus!*⁹» (Сл., с. 14).

Недоверие, скепсис по отношению к современной Болховитинову литературной действительности – одна из доминант «филологической» темы писем. «При сочинении диссертации о русском языке надобно ссылаться больше на мёртвых писателей, а не на живых, которых и хвалить и критиковать ещё не время», – пишет Евгений (П., с. 29). Эта мысль преосв. Евгения стала научным и преподавательским кредо казанского профессора. Сила авторитета учёного мужа была чрезвычайно велика для Григория Николаевича. Ведь именно Евгений (по мнению Н.Н. Булича) подсказал Городчанинову идею о профессуре в Казанском университете, он определил и направление его преподавательской деятельности. Так, в одном из первых писем в Казань Болховитинов расписывает своему другу целую программу преподавания: «Вы опять спрашиваете о книгах, нужных для профессора словесности. Сами Вы живёте в море книг и не нагнётесь ощупью выбрать. Так и быть, рекомендую Вам следующие книги, какие при первом воображении впали на память: 1. Риторика Блерова, 2.3. Риторика и логика Рижского, 4. Логика Кондильяка, 5. Ролленев способ словесных наук, 6. Мейснерова теория изящных наук и искусств <...>. И этого довольно для правил. А примеры? Ломоносов, Державин, Карамзин, Измайлов и журналы... Что впредь вспомню, уведомлю» (цит. по [3, с. 139]).

⁹ О подражатели! Рабское стадо! (лат.).

И в дальнейшем Болховитинов не оставляет без внимания научные изыскания Городчанинова – вносит поправки, делает замечания, даёт наставления: «Не успел ещё рассмотреть присланную мне Вашу книжку, за которую пока благодарю Вам¹⁰. Не сомневаюсь между тем, что она полезна будет и для семинарий; а со временем потребую у Вас несколько и для своей. Но пример Ваш, взятый из Карамзина, я бы не выбрал. Лучше бы для классического разбора взять Ломоносово слово похвальное Петру Великому. А у Карамзина одни только обороты мыслей» (П., с. 16). Может быть, поэтому Городчанинов из года в год будет читать казанским студентам «эстетический разбор славнейших российских стихотворцев – по правилам Баттё и частью Мейснера», «рассматривать некоторые Ломоносовы и Горациевы оды», «по временам, для прозаического красноречия читать некоторые места из Цицероновых речей» [5, с. 46–47] и т. п. Наставления своего учёного друга он воспринимал слишком буквально.

Такая приверженность старым литературным формам и станет в последующем обвинительным приговором казанскому профессору, почти четверть века преподающему казанскому студенчеству курс русской словесности. Историограф Казанского университета и сам профессор-филолог Булич напишет: «Проходило время; содержание русской литературы расширялось вместе с развитием русского общества; формы сменялись одни другими, а для Городчанинова как бы не существовало ни этой жизни, ни этого развития» [3, с. 132]. Не без основания Городчанинов посвятил 2-е издание своей книги (Соч.) митрополиту Киевскому Евгению, «незабвенному своему на поприще учёных трудов, мудрыми советами и наставлениями от давних лет руководителю».

Письма митрополита Евгения (Болховитинова) можно рассматривать как богатый источник сведений о жизни, научной и преподавательской деятельности первого профессора русской словесности в Казанском университете Григория Николаевича Городчанинова. Вместе с тем они интересны и как документ эпохи, потому что позволяют выявить уровень развития русской литературы и науки о ней, увидеть за событиями жизни одного человека судьбу всего русского образования.

Summary

M.M. Sidorova. "You Seem to be the Only Rhymist in Kazan" (Professor of Kazan University G.N. Gorodchaninov According to the Letters of Yevgeny Bolkhovitinov).

The article investigates the character, works and some facts from the private and public life of the first professor of Russian philology at Kazan University – G.N. Gorodchaninov. The research is based on the letters of Metropolitan Yevgeny (Bolkhovitinov) published in the journal of the Ministry of National Education in 1857. The letters contain unique information not so much about the author as about the recipient and help identify the degree of Yevgeny Bolkhovitinov's influence on the formation of the professor's scientific views and principles of teaching Russian philology.

Keywords: G.N. Gorodchaninov, Yevgeny Bolkhovitinov, Kazan University, letters, 19th century Russian literature.

¹⁰ Речь идёт о книге (Оп.).

Источники

- Сл. – *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. – М.: Унив. тип., 1845. – Т. 1. – 328 с.
- П. – Письма преосвященного митрополита Киевского Евгения к профессору Г.Н. Городчанинову // Журн. М-ва народного просвещения. – 1857. – Ч. 94, отд. VII (новости и смесь). – С. 1–23.
- Л. – *Городчанинов Г.Н.* Лирическая песнь на вступление Казанского ополчения в град Казань февраля 24-го дня 1815 года. – Казань: Унив. тип., 1815. – 2 с.
- Оп. – *Городчанинов Г.Н.* Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности. – Казань: Унив. тип., 1813. – 66 с.
- Соч. – *Городчанинов Г.Н.* Сочинения и переводы в прозе и стихах. – Казань: Унив. тип., 1831. – 554 с.

Литература

1. *Лихачёв Н.П.* Григорий Николаевич Городчанинов и его сочинения (библиогр. заметка). – Казань: Унив. тип., 1886. – 84 с.
2. *Мохначёва М.П.* Журналистика и историческая наука: в 2 кн. – М.: РГГУ, 1998. – Кн. 1. – 383 с.
3. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам: в 2 ч. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1887–1891. – Ч. 1. – 639 с.
4. *Сидорова М.М.* Страничка из истории Казанского общества любителей отечественной словесности (по материалам писем Е. Болховитинова Г. Городчанинову) // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы IV Междунар. науч. конф. (Казань, 28–29 нояб. 2013 г.). – Казань: Казан. ун-т, 2013. – Т. 2: Аксёновские чтения. – С. 111–119.
5. *Сидорова М.М.* Г.Н. Городчанинов // Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): библиографический словарь. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – С. 45–48.

Поступила в редакцию
20.02.14

Сидорова Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Msidorovam@mai.ru